

УДК811.511.142

DOI: 10.30624/2220-4156-2025-15-3-445-458

Средства выражения прямой эвиденциальности в вах-васюганском диалекте хантыйского языка

И. В. Новицкая

*Национальный исследовательский
Томский государственный университет,
Национальный исследовательский
Томский политехнический университет,
г. Томск, Российская Федерация
irno2012@yandex.ru*

В. В. Воробьева

*Институт системного программирования
им. В. П. Иванникова Российской академии наук, г. Москва,
Национальный исследовательский
Томский политехнический университет,
г. Томск, Российская Федерация
vorobeva@tpu.ru*

АННОТАЦИЯ

Введение. Восточно-хантыйские диалекты (вах-васюганский и сургутский) не обладают однозначно идентифицируемой системой морфологических показателей для маркирования эвиденциальных значений, что противопоставляет их западно-хантыйским диалектам в составе обско-угорской ветви уральских языков, которые в целом причисляются к языкам с соответствующей грамматикализованной категорией. Лексико-грамматические средства выражения значений засвидетельствованности в обско-угорских языках описаны фрагментарно, а в вах-васюганском хантыйском отдельным объектом исследования не становились. Более того, в классических грамматических очерках вах-васюганского хантыйского маркеры семантики засвидетельствованности не упоминаются. В этой связи, анализ лексико-грамматических средств выражения эвиденциальных значений в вах-васюганском языковом корпусе, размещённом на платформе Лингводок, является актуальным для уточнения своеобразия восточно-хантыйской группы диалектов в области глагольных морфологических категорий.

Цель: уточнить специфичность исследования лексико-грамматических средств выражения прямой эвиденциальности в вах-васюганском хантыйском языке.

Материалы исследования: аннотированный корпус вах-васюганского диалекта хантыйского языка, собранный в 2018 г. в п. Корлики ХМАО–Югры и размещённый на платформе Лингводок.

Результаты и научная новизна. В вах-васюганском хантыйском указание на источник сообщаемой информации специальными морфологическими показателями не маркируется. Лексические средства, участвующие в выражении прямой эвиденциальности, включают в себя глаголы чувственного восприятия (видеть, слышать и др.), глаголы 'оказаться, показаться', а также определительно-указательные местоимения, наречия, вводные слова, полифункциональные частицы. Высказано предположение о том, что грамматические маркеры прошедших времён на *-s*, *-yas / -yäs* и *yal / -yäl* задействованы в маркировании семантики засвидетельствованности описываемой ситуации. Результаты настоящего исследования заключаются в том, что впервые были выявлены и целостно описаны языковые средства выражения прямой эвиденциальности в вах-васюганском диалекте хантыйского языка. Новизна исследования связана с привлечением полевых данных, ранее не введённых в научный оборот, с корпусным подходом к исследованию языкового материала, а также с уточнением функциональных особенностей темпоральных маркеров и их возможной интеграции в систему лексико-грамматических средств выражения семантики засвидетельствованности.

Ключевые слова: хантыйский язык, вах-васюганский диалект, эвиденциальность, прямая засвидетельствованность, корпус, Лингводок

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, грант № 25-28-00328 «Системные характеристики хантыйского и мансийского глагола и его нефинитных форм в свете корпусных и полевых данных».

Для цитирования: Новицкая И. В., Воробьева В. В. Средства выражения прямой эвиденциальности в вах-васюганском диалекте хантыйского языка // Вестник угроведения. 2025. Т. 15. № 3 (62). С. 445–458.

Means of representation of direct evidentiality in Vakh-Vasyugan dialect of the Khanty language

I. V. Novitskaya

*National Research Tomsk State University,
Tomsk, Russian Federation,
National Research Tomsk Polytechnic University,
Tomsk, Russian Federation,
irno2012@yandex.ru*

V. V. Vorobyova

*Ivannikov Institute for System Programming of the Russian
Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation,
National Research Tomsk Polytechnic University,
Tomsk, Russian Federation,
vorobeva@tpu.ru*

ABSTRACT

Introduction: Eastern Khanty dialects (Vakh-Vasyugan and Surgut) do not have an unquestionably identifiable system of morphological indicators for marking evidential meanings. This fact contrasts them with the Western Khanty dialects in the Ob-Ugric branch of the Uralic languages, which are generally classified as the languages with a grammaticalized category of evidentiality. Lexical and grammatical means of expressing evidentiality in the Ob-Ugric languages have been described fragmentarily, in Vakh-Vasyugan dialect they have not become an independent object of study. Moreover, in classical grammatical essays on Vakh-Vasyugan dialect, the markers of evidentiality were not mentioned. In this regard, an analysis of lexical and grammatical means of expressing evidential meanings in the Vakh-Vasyugan language corpus, available at the Lingvodoc platform, is relevant for clarifying the uniqueness of the East Khanty group of dialects in the domain of verbal morphological categories.

Objective: to clarify the specificity of the study of lexical and grammatical means of expressing direct evidentiality in the Vakh-Vasyugan Khanty language based on digitized and annotated field data.

Research materials: annotated corpus of the Vakh-Vasyugan dialect of the Khanty language, collected in 2018 in the village of Korliki of Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Yugra and posted on the Linguodok platform.

Results and novelty of the research: in Vakh-Vasyugan Khanty the source of the reported information is not regularly marked with special morphological indicators. The lexical means participating in the expression of direct evidentiality include verbs of sensory perception (to see, to hear, etc.) / the verbs ‘happen / turn out’, demonstrative pronouns, adverbs, connectives, multifunctional particles. It is argued that the grammatical markers of the past tenses with *-s*, *-yas* / *-yäs* and *-yal* / *-yäl* are likely to be involved in marking evidential semantics. It is the first time in this study that linguistic means of expressing direct evidentiality in the Vakh-Vasyugan dialect of the Khanty language have been identified and comprehensively described. The novelty of the study draws upon the use of field data that have not previously been introduced in scientific publications, with the corpus approach to the study of linguistic material, as well as on the clarification of the functional features of temporal markers and their possible integration into the system of lexical and grammatical means of expressing the semantics of evidentiality.

Key words: Khanty language, Vakh-Vasyugan dialect, evidentiality, direct evidence, corpus, Lingvodoc

Acknowledgments: the research was funded by Russian Science Foundation, grant № 25-28-00328 “Systemic characteristics of the Khanty and Mansi verb and its infinite forms in the light of the corpus and field data”.

For citation: Novitskaya I. V., Vorobyova V. V. Means of representation of direct evidentiality in Vakh-Vasyugan dialect of the Khanty language // *Vestnik ugrovedenia = Bulletin of Ugric Studies*. 2025; 15 (3/62): 445–458.

Введение

Языковые значения, входящие в поле понятийной категории эвиденциальности, могут иметь в языках мира грамматикализованное или лексическое выражение [6]. В финно-угорских языках, к числу которых относится хантыйский, наличие грамматикализованных средств выражения засвидетельствованности (эвиденциальности) не является обязательным

признаком. Одной их характеристик грамматического устройства восточно-хантыйских диалектов (ваховский, васюганский, сургутский), отличающей их от южных и западных хантыйских диалектов [20], является отсутствие явно сформированной системы морфологических показателей, функционально ориентированных на передачу различных оттенков значения соответствующей категории.

Распространённость грамматически маркируемой категории эвиденциальности в языках мира не обнаруживает однообразия и может быть описана либо как засвидетельствованная в нулевой или слабой степени (в некоторых европейских языках), либо как широко представленная (например, в языках американских индейцев).

С типологической точки зрения, развитие системы специализированных аффиксов или клитик, репрезентирующих семантику засвидетельствованности, в языках Европы не является повсеместным. В качестве грамматических маркеров эвиденциальной семантики очевидности / неочевидности (засвидетельствованности / незасвидетельствованности) действия с точки зрения говорящего могут также выступать глагольные парадигмы, в которых морфологические показатели времени-аспекта-наклонения выполняют, помимо прочего, и эвиденциальную функцию (балкано-славянские, балтийские и часть романских языков). С другой стороны, для выражения семантики эвиденциальности могут использоваться модальные глаголы или некоторые глаголы восприятия, а также модели синтаксических конструкций [30].

Универсальным для любого языка мира, в котором указание информации об источнике сообщаемых фактов является обязательным или необходимым, является наличие самостоятельных языковых единиц в функции маркеров эвиденциальной семантики, для которых может быть определён статус «служебные слова». К числу таких показателей относят лексические единицы, у которых в ядро их семантики входит отсылка к источнику информации: вводные слова (*мол, видно, оказывается*), устойчивые обороты (*как говорят, со слов*) и др.

Эвиденциальность трактуется как универсальная языковая категория, которая обнаруживает множество пересечений с категориями модальности и митаривности [1] и имеет в разных языках различающиеся системы средств для передачи спектра соответствующих значений. Эвиденциальность как языковая категория есть «любой способ экспликации источника информации с помощью специальных маркеров» [19, 184], т. е. система разноуровневых средств, которые функционально ориентированы на репрезентацию источника сведений в процессе вербального взаимодействия.

К сфере эвиденциальных значений относятся такие, которые имеют эксплицитное указание на источник сведений говорящего относительно сообщаемой им ситуации [11, 321]. В качестве источника информации могут выступать «1) наблюдения субъекта коммуникации, чувственные восприятия или итог практических действий; 2) сведения, полученные из вторых рук, представляющие результат собственной мыслительной деятельности говорящего: выводы, умозаключения, сомнения, догадки» [8, 255].

В зависимости от источника, прямого или косвенного, выделяют, прежде всего, два основных типа эвиденциальных категорий: косвенный (*reported*) и перцептивный (*sensory*) [11, 322; 27, 35–37]. Согласно классификации А. А. Сусова, следует выделять прямую непосредственную, косвенную непосредственную и косвенную опосредованную эвиденциальность [15]. Далее, в зависимости от структурных особенностей каждого конкретного языка, система показателей для маркирования источника информации может варьировать и включать более двух маркеров [17]. Помимо указания на источник информации, который может явно и не определяться или не существовать, система маркеров засвидетельствованности может включать показатели, детализирующие способы получения информации (при помощи органов зрения, слуха или обоняния, в виде выводного знания, предположения и т. п.). Так, А. Ю. Айхенвальд выделяет следующие рекуррентные семантические параметры, свойственные большинству языков мира: I. Визуальный (*visual*) охватывает информацию, полученную посредством зрения. II. Сенсорный (*sensory*) охватывает информацию, полученную посредством слуха, и обычно распространяется на обоняние и вкус, а иногда также на осязание. III. Инференциальный (*inference*) охватывает информацию, основанную на видимых или осязаемых доказательствах или видимых результатах. IV. Предположительный (*assumption*) охватывает информацию, основанную на рассуждениях и догадках (а не на видимых результатах). V. Пересказывательный (*reported*) охватывает сообщённую информацию без ссылки на то, кем она была сообщена. VI. Цитатный (*quotative*) охватывает сообщённую информацию с явной ссылкой на цитируемый источник [18, 2].

Учёт вышеозначенных нюансов отражён в классификации типов эвиденциальности, разработанной М. В. Медведевой [9]. Так, прямая засвидетельствованность (*direct / attested evidence*) содержит указание на источник, сенсорно воспринимаемый субъектом коммуникации и репрезентирующий «сенсорную эвиденциальность», показатели которой подразделяются на визуальные (*visual*), аудитивные (*auditory*) и иначе воспринимаемые (*other sensory*). Косвенная засвидетельствованность может включать в себя указание источника передаваемых субъектом коммуникации сведений – пересказывательность (*reported evidence*), либо содержать описание косвенных признаков, позволяющих субъекту восстановить ситуацию, очевидцем которой он не являлся – инференцию (*inferring evidence*) [9, 4; 10, 63].

Для многих языков мира эвиденциальность определяется как грамматическая категория, которая реализуется за счёт морфолого-синтаксических средств: аффиксальных морфем, граммем прошедшего времени, синтаксических конструкций и др. Включение в анализ данных разноструктурных языков позволяет отнести засвидетельствованность также к числу семантических, функциональных и коммуникативных категорий [7, 150]. В исследованиях отмечается, что маркирование анализируемых значений может быть реализовано не только на уровне предложения, но и на уровне текста, за счёт контекста и отдельных слов [5, 86]. Наличие в языках разнообразных средств выражения эвиденциальной семантики позволяет представить их систему в отдельно взятом языке в виде структуры, организованной по принципу поля [12].

В «Атласе языковых структур» языковые системы распределены по трём группам в зависимости от наличия или отсутствия в них морфологических средств выражения категории засвидетельствованности: 1) языки, грамматически не маркирующие эвиденциальность (*no grammatical evidentials*), 2) языки, в которых маркируется только косвенная эвиденциальность (*indirect evidentials*), и 3) языки, в которых маркируется и прямая, и косвенная эвиденциальность (*direct and indirect evidentials*) [21]. Обско-угорские языки на карте онлайн Атласа не представлены.

В диалектах хантыйского языка грамматические и лексические средства выражения

эвиденциальных значений описаны в целом на общем материале уральских языков [28; 29], а также на материале хантыйских диалектов [20], например, казымского [3], приуральского (обдорского) [26]. Авторы исследований выделяют в уральских языках различные средства выражения анализируемой семантики, которые распределяются по двум группам: а) синтаксические частицы и б) глагольная морфология. Лексическое выражение эвиденциальности через эпистемические и эвиденциальные наречия и вводные предложения присутствует в большинстве уральских языков, особенно в тех, где грамматикализованная засвидетельствованность отсутствует, например, саамские языки, большинство финских языков, мордовский и венгерский. Грамматикализованная стратегия эвиденциальности обнаружена в эстонском, ливском, марийском, коми, удмуртском, в северном хантыйском, мансийском и самодийских языках. Языки, принадлежащие к одной ветви в пределах семьи, могут значительно различаться в том, как кодируется засвидетельствованность. Например, эстонский и водский языки очень тесно связаны, но в эстонском языке есть грамматическая эвиденциальность, а в водском её нет [13; 28].

Для всего массива уральских языков в целом постулируется наличие обеих стратегий для выражения эвиденциальной семантики: лексической и грамматической, представленность которых в отдельных ветвях и языках семьи не обнаруживает единообразия. Так, в обско-угорских языках, которые причисляют к языкам с грамматикализованной эвиденциальностью [25, 1506], не у всех хантыйских диалектов такая система сформирована.

В казымском диалекте хантыйского языка, относящемся к западной ветви хантыйских диалектов, маркировка семантики засвидетельствованности осуществляется тремя способами: 1) через формы эвиденциалиса (неочевидного наклонения), которые представляют собой нефинитные формы в системе зависимой предикации (то есть они выполняют функцию сказуемого в зависимой части); когда такая форма становится главным сказуемым, она передаёт определённое эвиденциальное значение; 2) с помощью лексем, включая междометия, частицы и слова других частей речи (в том числе вводные); 3) посредством комбинированных семантико-синтаксических конструкций,

которые формируются с использованием элементов, способных взаимодействовать и сочетаться, создавая тем самым структурно-смысловое единство [4, 83–84].

В восточно-сургутском диалекте хантыйского в разговорном языке эвиденциальное наклонение не грамматикализовано [20]. В разговорном варианте для обозначения информации, полученной в результате наблюдения, используется синтаксическая причастная конструкция со словом *tãyi* ‘место’ (атрибутивная или, возможно, постпозитивная, но всегда в конце предложения): настоящее / прошедшее причастие + *Px* + ‘место’ [20, 207–208]. Неличные формы глагола иногда встречаются в конце предложения в предикатной позиции, но они не становятся личными глаголами. Тем не менее, вербализация нефинитных форм в сургутском диалекте встречается, но только в песенном жанре, а не в фольклоре в целом. Это явление характерно более для мифических песен, т. к. ханты верят, что события в песнях происходят в другом, нереальном мире, и они не могли быть их очевидцами [20, 205].

Тип эвиденциальных значений, имеющих грамматическое выражение в обско-угорских языках, относится к типу косвенной засвидетельствованности, которая маркируется, как правило, только в прошедшем времени сообщения [11, 323]. Лингвогенетически морфемы эвиденциальности восходят к формам перфекта. Морфемы косвенной засвидетельствованности маркируют два типа контекстных значений: а) инферентивное, когда говорящий сам не наблюдал описываемую ситуацию, но наблюдал её результат; б) цитативное, когда говорящий знает о ситуации от третьих лиц [11].

Материалы и методы

Материалом для исследования послужили корпусные данные вах-васюганского хантыйского, в том числе и недавно полученные полевые данные, размещённые на цифровой платформе Лингводок. В корпус вошли анкеты по исследуемой теме, фразы разговорной речи, записанные лингвистами в национальном селе Корлики ХМАО в 2018 г. Информантами были носители ваховского диалекта хантыйского языка, жители села Корлики: Жанна Александровна Хохлянкина, 1967 г. р., Василий

Гаврилович Кунин, 1962 г. р., Аркадий Степанович Каткалев, 1985 г. р., Тамара Ильинична Сигильетова, 1986 г. р. Корпуса по ваховскому хантыйскому, задействованные в анализе, содержат в общем объёме около 16 тыс. словоформ. В исследовании были использованы следующие корпусные материалы:

Корпус текстов ваховского диалекта хантыйского языка. Автор В. В. Воробьёва. URL: <https://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/7349/279/perspective/7349/283/view/> (дата обращения: 11.09.2024).

Корпус тестов ваховского диалекта хантыйского языка. Автор С. В. Ковылин. URL: <https://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/3021/71/perspective/3021/75/view/> (дата обращения: 05.09.2024).

Анализ был проведён с применением общенаучных методов (интерпретация, обобщение и др.), методов корпусного анализа (диверсифицированный поиск, анализ метаразметки текста, конвертация и др.), а также методов полевой лингвистики (метод элицитации и наблюдения).

Результаты

Как отмечают исследователи, значения, определяемые как эвиденциальные, охватывают целый спектр содержательных смыслов: личное наблюдение описываемых событий; желание говорящего «снять с себя ответственность» за достоверность сообщаемой информации; цитирование; пересказ чужой речи; передача заглазного действия или подчеркнутой достоверности; убеждённость говорящего в чём-либо; отгораживание / отвлечение от произносимой информации; отрыв от действительности; инферентив (суждение по результату); адмиратив (изумление при виде чего-то неожиданного); сомнение (предположение); визуальные и прочие сенсорные, а также эндофорические источники информации; презумптив; выражение общих истин [2, 7–9]. Коммуникативная задача отсылки к источнику сообщаемой информации, который сигнализирует о степени достоверности и надёжности сообщаемого, а также степени неожиданности её получения говорящим, может быть решена в вах-васюганском хантыйском различными способами. При этом, выбор стратегии выражения эвиденциальной семантики, лексической или грамматической, может быть связан со спецификой канала

получения информации. Далее рассмотрим способы маркирования прямой эвиденциальности/засвидетельствованности (по классификации М. В. Медведевой [9]), идентифицированные в корпусных данных вах-васюганского хантыйского.

Прямая, или сенсорная, перцептуальная, засвидетельствованность (далее – прямая эвиденциальность) фиксирует языковыми средствами канал получения первичной информации: визуальный, аудиальный или иной сенсорный. Для отражения данного типа семантики в вах-васюганском хантыйском используются глаголы чувств восприятия (слышать, видеть, ощущать тактильно, на вкус и запах), которые употребляются в формах прошедшего и непрошедшего времени. В корпусе были выявлены глаголы чувственного восприятия: *wuta* ‘видеть’ видеть, *kästä* ‘замечать / примечать’, *ḡolta* ‘слышать / чувствовать / ощущать’, *sät’ä* ‘слышаться / доноситься’, *wätä* ‘прикасаться / брать / взять’, и

др. для указания на источник информации.

Прямой, визуальный способ получения информации выражается посредством глагола *wuta* ‘видеть’, который может употребляться в формах непрошедшего времени (см. пример 1), в трёх формах прошедшего времени: на -s, на -*yas* / -*yäs* (см. пример 2–4) и на -*yal* / *yäl* (см. пример 5–6), в формах как активного (см. пример 1–2), так и пассивного залога (см. пример 3–6), а также в обоих типах спряжения – субъектного (см. пример 2–6) и объектного (см. пример 1). Этот глагол один из самых распространённых средств маркирования прямой эвиденциальности, встреченных в вах-васюганском корпусе. В анализируемом корпусе примеры глагола визуального восприятия информация в двух других временных формах, а именно в форме прошедшего времени на -s и в бессуффиксальной временной форме, зафиксированы не были.

- (1) *lüḡ ḡat-a joḡ läḡa-s wu-l-tä*
 3SG дом-LAT внутрьзаходить-PST1.3SG.S **видеть-NPST-SG<3SG.S**
päsän litot-ə pan-i
 стол еда-OBL класть-PASS.3SG
 ‘Он зашёл в дом, видит, стол накрыт’.
- (2) *lüḡ әḡki-l käslin-tiy-ән sәwәs*
 3SG мать-POSS.3SG выходить.замуж-IPFV.PTCP-2SG лесной
ikij-ä wu-yas-ij lüḡ ḡut-əl lanәr-әs
 старик-LAT **видеть-PST2-SG<3PL.S** 3SG дом-POSS.3SG **входить-PST1.3SG.S**
 ‘Его мама замужем за лешим. Видели, как она входила к нему в дом’.
- (3) *mä-nә mälaḡotl wu-yas-i kol’ä lotka wә-s*
 1SG-LOC вчера **видеть-PST2-PASS.3SG** Коля лодка **брать-PST1.3SG.S**
 ‘Я вчера видел, что Коля лодку взял (купил)’.
- (4) *mä-nә wu-yas-i nüḡ mälaḡotl jәlil-tә*
 1SG-LOC **видеть-PST2-PASS.3SG** 2SG вчера **охотиться-INF**
mән-s-ән
 идти-PST1-2SG.S
 ‘Я видел, как ты вчера пошёл на охоту’.
- (5) *mä-nә wu-yal-i müḡu sayi rit-na*
 1SG-LOC **видеть-PST3-PASS.3SG** как по **облас-COM**
mән-yäl
 идти-PST3.3SG.S
 ‘Я видел, как он плыл на обласе (лодке)’.
- (6) *mä-nә wu-yal-i kol’ä niḡ-әl*
 1SG-LOC **видеть-PST3-PASS.3SG** Коля женщина-POSS.3SG
 ‘Я увидел жену Коли’.

В примере (7) глагол *kästä* в значении физического восприятия употреблён в неличной форме глагола:

- (7) löŋkr-äli   jöy-tä   təyi
мышь-DIM   танцевать-IPFV.PTCP   место
käs-m-il-ä   la|s-ət
замечать-PFV.PTCP-3PL-LAT   вставить-PST1-3PL.S
'Мышонка, танцующего на месте, увидели, остановились'.

Аудиальный тип прямой эвиденциальности выражается с помощью глаголов *qolta* 'слышать / чувствовать / ощущать', *sät t'ä* 'слышаться / доноситься / чувствоваться', которые также встречаются в форме непрошедшего времени (см. примеры 7, 8), в трёх вариантах прошедшего времени (см. примеры 9, 10–12), в активном (см. примеры 7, 8, 10–12) и пассивном (см. примеры 9) залогах, в субъектном

спряжении (см. примеры 7, 8, 10–12). В анализируемом корпусе примеров употребления глаголов данного типа в формах объектного спряжения и суффиксального времени не выявлено. Следует отметить, что в вах-васюганском хантыйском глаголы слухового восприятия *qolta u sät t'ä* часто употребляются в сочетании с существительным *soj* 'звук' (см. примеры 8, 10–12).

- (8) sät'-wäl   qat   qonõq-əki
слышать-NPST.3SG.S   дом   тёплый-PRD
'Чувствуется (досл. слышится), что в избе тепло'.
- (9) äjlänë   t'iti   t'umijñ   soj   sät'-wäl   pč
вдруг   так   таким.образом   звук   доносится-NPST-3SG.S   пш
'Вдруг такой звук слышится: пш'.
- (10) gorij-ta   qu-j-në   qol-s-i
работать-INF   мужчина-EP-LOC   слышать-PST1.PASS.3SG.S
t'äläytä-m-äl   soj   räni   töy   nõäytä-s-ət
крикнуть-PFV.PTCP-3SG   звук   и   сюда   бегать-PST1-3PL.S
'Рабочие услышали крик и сюда прибежали'.
- (11) mä   kim   mä   qa   t'u-mijñ   soj
1SG   приблизительно   1SG   PTCL   этот-INTN.DET   звук
qolya-s-əm   kol'ä   kim   pärtäy   joč-yäs
слышать-PST1-1SG.S   Коля   вроде.как   обратно   приезжать-PST2.3SG.S
'Я такое слышал, что Коля вернулся'.
- (12) äjlänë tät   säwäs   iki   soj
Вдруг наконец   лесной.дух   старик   звук
sät'-äkë-tä-s   pč
слышаться-INCH-MULT-PST1.3SG.S   пш
'Вдруг, наконец-то, Севсики звук стало слышно: пш'.
- (13) qol-yas-i   t'u   äsjäy   ni   joč-yäs
слышать-PST2-PASS.3SG   тот   пожилая   женщина   приходит-PST2.3SG.S
'Слышали, что пожилая женщина вернулась'.

К сенсорным глаголам для выражения семантики прямой эвиденциальности можно отнести глагол *wätä* 'прикасаться / брать / взять', см. пример (14):

- (14) lüy   woqı   moq   köt-ä   wä-yäs   räni
3SG   лиса   детёныш   рука-LAT   брать-PST2.3SG.S   и
ata-s   lüy   wänñë ij   qola-wäl
сказать-PST1.3SG.S   3SG   скоро   вниз   умирать-NPST.3SG.S
'Он взял лисёнка в руки и сказал: «Он скоро умрёт»'.

Обсуждение средств выражения эвиденциальной семантики в вах-васюганском хантыйском затрагивает вопрос о наличии в этом диалекте грамматических маркеров прямой засвидетельствованности. Можно предположить, что

в грамматическое маркирование прямого типа эвиденциальности вовлечена система морфем, репрезентирующих формы прошедшего времени в анализируемом диалекте. Как известно, в этой диалектной группе имеется 4 показателя

прошедшего времени [16]. Четыре граммы прошедшего времени в вах-васюганском диалекте выделяются всеми хантологами без исключения, но их значения трактуются неоднозначно. Н. И. Терёшкин интерпретирует их следующим образом: формы прошедшего времени на *-s*, *Ø*, *-yäs / -yas* и *-yal / -yäl* по своей семантике различаются в двух аспектах: по давности и определённости. В таблице 1 показано, как суффиксы прошедшего времени вовлечены в противопоставление по признаку определённости / неопределённости и приближённости / отдалённости от настоящего момента, в который произошло событие в прошлом.

Таблица 1

Морфемы прошедшего времени по данным Н. И. Терёшкина [16, 81–82]

Время	Определённое прошедшее	Неопределённое прошедшее
Недавно прошедшее	-s	-yas/-yäs
Давно прошедшее	Ø	-yal/-yäl

Критерий отдалённости обозначаемого события во времени от момента речи расхождения мнений у исследователей не вызывает. Второй критерий терминируется исследователями по-разному: «определённость» (Н. И. Терёшкин) [16], «релевантность» (А. Ю. Фильченко) [22], «завершёность» (Л. Хонти, Я. Гуя) [23; 24], что подчёркивает неоднозначность и комплексность семантики, актуализируемой темпоральными показателями.

В типологической перспективе установлено, что морфемы прошедшего времени могут образовывать оппозиции по признаку засвидетель-

ствованности / незасвидетельствованности называемого глаголом действия, как, например, в башкирском языке, где аналогичные морфемы образуют три пары оппозиций, различающихся по указанному признаку: 1) прошедшее определённое – прошедшее неопределённое; 2) предпрошедшее определённое – предпрошедшее неопределённое; 3) давнопрошедшее определённое – давнопрошедшее неопределённое (примечание: определённое = засвидетельствованное) [14, 197]. Следовательно, граммы форм прошедшего времени могут фиксировать синкретичный, темпорально-эвиденциальный характер семантики.

При работе с информантами был получен комментарий носителя ваховского хантыйского относительно употребления временного суффикса *-s* в эвиденциальном значении. Респондент объяснил, что употребление глагола с эвиденциальной семантикой в форме на *-s* указывает на намерение подчеркнуть достоверность события, которое произошло на их глазах, либо информацию, которую они получили из достоверных источников, или как логическое умозаключение, основанное по некоторым наличным признакам. Рассмотрим следующие примеры 15–16. В данных высказываниях отсутствуют глаголы перцептивной засвидетельствованности, поскольку говорящий выражает комментарий о себе (15) и о собеседнике (16). Можно предположить, что форма предиката на *-s* может рассматриваться как маркер высокой степени достоверности отражаемого в речи события с точки зрения говорящего, поскольку он(а) говорит от своего имени, полагаясь на собственное мнение и оценку ситуации.

- (15) mām   pī   jēm   wə-s-əm
 1SG   тоже   хороший   есть-PST.1-1SG.S
 ‘Какой хороший я был’.
- (16) nūŋ-ən jēmä   wer-s-i
 2SG-LOC   хорошо   делать-PST1-PASS.3SG
 ‘Ты хорошо сделал’.

В примере (17) говорящий высказывается о событии, произошедшем с третьим лицом, не упоминая источник информации. Видимо, форма недавно прошедшего определённого времени на *-s* мыслится как достаточная для подтверждения достоверности

сообщаемого. Выскажем предположение о том, что в подобных высказываниях глагол личной прямой засвидетельствованности события в прошлом может просто имплицироваться говорящим (например, «я сам видел / слышал, что ...»):

- (17) *ivän jëlëw riṭ wä-s*
 Иван новый облас брать-PST1.3SG.S
 ‘Иван новый облас взял (купил)’.

Выше отмечалось, что глагол прямой визуальной засвидетельствованности в форме прошедшего времени на *-s* в корпусе примеров на платформе Лингводок не зафиксирован. Глагол аудиального типа засвидетельствованности в форме на *-s* приведён в примере (9) с показателем пассива, в примере (10) – в активном залоге субъектного спряжения. В свете примеров (15–17), форма прошедшего времени на *-s* предиката, называющего описываемое действие / событие, может синкретично с темпоральной отнесенностью фиксировать внимание на определённости (т. е. достоверности, точной засвидетельствованности говорящим) этого действия.

Для однозначного подтверждения эвиденциальной семантики суффикса *-s* требуются более развёрнутые контексты высказываний для анализа. Тем не менее, можно допустить, что выявленная хантологами оппозиция суффиксов прошедшего времени по признаку определённости / засвидетельствованности

опирается на отмеченную информантами речевую практику использовать глагольную форму на *-s*, чтобы подчеркнуть достоверность обозначаемого действия. В таком случае, можно предполагать, что формы неопределённого недавно прошедшего времени на *-kas / -käs / -yas / -yäs / -ḡas* и формы неопределённого давно прошедшего времени на *-käl / -yal / -yäl / -ḡal* употребляются в оппозиции к форме на *-s*. Они тоже выражают темпорально-эвиденциальную семантику, но актуализируют сему неопределённости, т. е. неточной, недостоверной засвидетельствованности. Иными словами, при использовании формы прошедшего времени на *-s* говорящий актуализирует смысл «я уверен в том, что говорю», а с формами на *-kas* и *-käl* транслируется смысл «я не могу быть уверен точно, до конца». Например, в следующем примере (18) с глаголом в форме прошедшего времени на *-käs* говорящий не был очевидцем происходящего, и, вероятно, получил информацию из других источников.

- (18) *lëṭ məlaḡol-oy raṭ käs-käs*
 3PL вчера-ABL мальчик показаться-PST2.3SG.S
 ‘Вчера она родила сына’.

В примере (19), говорящий не уверен в достоверности сведений, потому что не был очевидцем данного события:

- (19) *mä-në äntë tḡəmt-i kol’ä nemin moṭi*
 1SG-LOC NEG знать-NPST.3SG.S Коля правда что
riṭ wä-yäs
 облас взять-PST2.3PL.S
 ‘Я не знаю, действительно ли Коля взял (купил) облас’.

Как отмечалось выше, в спектр эвиденциальных значений входит семантика неожиданности получаемых сведений (миративность) и высокой степени удивления в связи с тем, что говорящий установил ранее неизвестный ему / ей факт (адмиративность). Лексические единицы, отража-

ющие неожиданный для говорящего характер получения сведений, включают в себя вводные слова *t’ökimänta*, *t’ökim* ‘оказываться / оказаться’, которые однозначно не соотносятся с глаголами чувств восприятия, поскольку могут так же репрезентировать косвенную эвиденциальность.

- (20) *t’ökim jozh pükini päni maṭ ḡat körköṭ-nä-ni*
оказывается ёж заяц и бобр дом кирпич-COM-PRTC
wer-wäl-t
 делать-NPST-3PL.S

‘Оказывается, ёж, бобр и заяц дом из кирпичей строят’.

- (21) *t’ökim mänta lüṭ nemin toloy-wäl*
оказывается 3SG правдиво разговаривать-NPST.3SG.S
 ‘Оказывается, он говорит правду’.

Выражение значения неожиданности внезапно увиденного, вызвавшего чувство восторга или разочарования, обычно передаётся с помощью определительно-указательных местоимений *t'imint*, *tamniṭ t'imniṭ* 'такой' и / или наречий *os* 'ещё', *märäm* 'только' и др. и / или служебных слов, таких как полифункциональные частицы *tuṅka* 'же', *pi* 'же / то', междометий *tala* 'вот, так / ну', *ka* 'ну.как', *qata* 'ну-ка', *t'ä* 'ну' и др., а также детерминативов – указательных местоимений и наречий (примеры 22–28). Перечисленные

единицы сигнализируют о реакции говорящего на то, что он(а) увидел, узнал, услышал, понял и т. п., т. е. на прямое чувственное восприятие чего-то. Как правило, предложения с адмиративной семантикой сопровождаются выразительной интонацией. В высказываниях может отсутствовать глагольная форма, как в примере (23), часто встречаются глаголы *быть*, *жить* (24), глаголы с модальным значением (25), а также активные (24) и пассивные (22) конструкции в не прошедшем (24–25) и прошедших временах (22).

- (22) *ka*, *qiläy-ali-m* *toṅä-nä* *nuḳ* *li-s-i*
 как, внук-DIM-POSS.1SG огонь-LOC вверх есть-PST1-PASS.3SG
 'Ну, моего внучонка огонь съел.'
- (23) *t'imint* *oköṃ* *qat-ali*
 такой маленький дом-DIM
 'Такой крошечный домик.'
- (24) *nüṅ* *tät* *wəl-w-ən*
 2SG здесь жить-NPST-2SG.S
 'Как ты тут живёшь!'
- (25) *tala* *goriḷ-ta-nə* *t'imint-äki* *noṅ* *märäm*
 вот.так работать-INF-LOC такой-PRED 2SG только
goriḷ-ta *onəl-l-ən*
 работать-INF уметь-NPST-2SG.S
 'Вот так работа, так только ты работать умеешь!'

Лексический способ выражения прямой (адмиративной) эвиденциальности в вах-васюганском хантыйском можно проследить в более широком контексте, в котором говорящий привет-

ствует друга и сообщает ему, что он «засвидетельствовал» Колю посредством глагола зрительного восприятия, который, видимо, сообщил ему о результатах своей охоты, что удивило говорящего.

- (26) *mä* *kol'ä* ***wu-yal-im***
 1SG Коля видеть-PST3-SG<1SG.S
 'Я видел Колю.'
- (27) *lüṅ* *ohotaj-oṅ* ***jö-yäs***
 3SG охота-ABL приходить-PST2.3SG.S
 'Он с охоты пришёл.'
- (28) ***t'uḳkümətə*** *lüṅ* *məlaḳotl* *čiməl* *kürä*
 оказывается 3SG вчера немного приблизительно
qujlü-ət *päni* *wet* *pükini wel-iṅ*
 глухарь-PL и пять заяц добыть-NST.3SG.S
 'Оказывается, он вчера несколько глухарей и пять зайцев убил.'

Выражение значения миративности как результата события, действия, достойного восторга или негодования, может происходить

также за счёт глагола *pittä* 'появляться/проявляться' и наречия *os* 'ещё', пример (28).

- (29) *t'i* *iṅ* *qat'* *nemä* *män-t* *welä-s*
 этот медведь чуть.не прямо 1SG-ACC добывать-PST1.3SG
kän'ä-ütä-yäl-t *nüṅ* ***os*** *trús-oṅ* ***pit-käs***
 рвать-SMF-PST3-3PL.S 2SG ещё трус-TRL появляться-PST2.3PL.S
 'Этот медведь чуть не убил... задрал меня, а ты оказался трус.'

Таким образом, выявленные в корпусе примеры свидетельствуют о систематической реализации лексической стратегии при выражении семантики достоверности и засвидетельствованности. Адмиративные оттенки прямого типа эвиденциальности передаются с помощью семантико-синтаксических конструкций с глаголами ‘оказаться, показаться’, указательных или / и определительно-указательных местоимений, наречий, служебных слов или полифункциональных частиц. Регулярное использование трёх форм прошедшего времени в вах-васюганском хантыйском не может быть подтверждено на имеющемся языковом материале в силу его ограниченности.

Обсуждение и заключение

Различные смыслы, входящие в поле языковой категории эвиденциальности, находят регулярное выражение в оцифрованных полевых материалах вах-васюганского диалекта хантыйского языка.

Преобладающая стратегия выражения прямой эвиденциальности в вах-васюганском хантыйском – лексическая, которая предполагает использование таких групп лексических единиц, как 1) глаголы чувственного восприятия (видеть, слышать, чувствовать запах и др.); 2) глаголы моментального действия с модально-оценочной семантикой (оказаться, оказываться); 3) служебные слова (вводные, частицы, междометия); 4) наречия; 5) указательные и определительно-указательные местоимения (тут, там, вот и др.).

Грамматическая стратегия выражения прямой эвиденциальности может прогнозироваться в случаях, когда глагол перцептивного восприятия оформляется формой одного из трёх прошедших времён в вах-васюганском хантыйском. На основе заключений ведущих хантологов, а также комментариев носителей вах-васюганского диалекта, можно предположить, что формы прошедшего неопределённого времени на *-kas / -käs / -yas / -yäs / -kas*, на *-käl / -yal / -yäl / -kal* и прошедшего определённого времени на *-s* функционируют в релевантных контекстах как показатели синкретичной темпорально-эвиденциальной семантики. Форма прошедшего определённого времени на *-s* актуализирует достоверность сообщаемой информации, её надёжность и определённость с точки зрения говорящего. Формы неопределённого прошедшего времени, соответственно, маркируют предполагаемое указание на меньшую уверенность говорящего в достоверности, надёжности сообщаемого. Данное наблюдение о функционировании морфем прошедшего времени формулируется здесь как гипотеза, которая предполагает дальнейший анализ более широкого языкового материала, с обязательным привлечением архивных, ещё не оцифрованных данных, а также фольклорных текстов.

Проанализированный корпусный материал, охватывающий главным образом бытовые тексты, позволяет подтвердить отсутствие в вах-васюганском хантыйском особого наклонения глагола или отдельного грамматического маркера, функционально ориентированного на передачу косвенного или прямого типа эвиденциальности.

Список источников и литературы

1. Каксин А. Д. К вопросу о выражении адмиративного значения в русском языке // Мир науки, культуры, образования. 2018. № 5 (72). С. 424–426.
2. Каксин А. Д. О грамматическом оформлении эвиденциальных значений в финно-угорских, самодийских и тюркских языках // Вестник Тувинского государственного университета. Социальные и гуманитарные науки. 2019. № 4 (52). С. 6–20.
3. Каксин А. Д. Эвиденциальность как функционально-семантическая категория уровня модальности (на примере русского и хантыйского языков // Вестник Челябинского государственного университета. 2010. № 13. С. 52–56.
4. Каксин А. Д. Эвиденциальная семантика и средства её выражения в казымском диалекте хантыйского языка // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2021. № 3 (36). С. 82–91.
5. Кобрин О. А. Категория эвиденциальности: её статус и формы выражения в разных языках // Вопросы когнитивной лингвистики. 2005. № 1. С. 86–98.
6. Козинцева Н. А. Категория эвиденциальности (проблема типологического анализа) // Вопросы языкознания. 1994. № 3. С. 92–104. URL: <https://vja.ruslang.ru/ru/archive/1994-3/92-104>. (дата обращения: 22.02.2025).
7. Козловский Д. В. Типы и виды эвиденциальности в языке // Язык и мир изучаемого языка. Сб. научных статей. Саратов: Социально-экономический институт, 2018. Т. 9. С. 149–152.
8. Корди Е. Е. Категория эвиденциальности во французском языке // Эвиденциальность в языках Европы и Азии: сб. ст. памяти Наталии Андреевны Козинцевой / отв. ред. В. С. Храковский. СПб.: Наука, 2007. С. 253–291.

9. Медведева М. В. Границы эвиденциальности и эпистемической модальности, 2008. URL: http://www.pglu.ru/lib/publications/University_Reading/2008/II/uch_2008_II_00034.pdf. (дата обращения: 22.02.2025).
10. Молошная Т. Н. Категория пересказываемости болгарского глагола // Советское славяноведение. 1989. № 2. С. 63–73.
11. Плуныян В. А. Общая морфология: Введение в проблематику. М.: Едиториал УРСС, 2003. 384 с.
12. Профатилова С. М., Балабаева Ю. Е. Средства выражения значений эвиденциальности в разноструктурных языках // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2020. № 1 (36). С. 249–259.
13. Скрибник Е. К. К вопросу о неочевидном наклонении в мансийском языке (структура и семантика) // Языки коренных народов Сибири. Сб. науч. трудов. Новосибирск, 1998. Вып. 4. С. 197–215.
14. Султанбаева Х. В., Салихова Д. И. Способы репрезентации эвиденциальности в башкирском языке // Тенденции развития науки и образования. 2024. № 106-3. С. 195–198.
15. Сусов И. П. Деятельность, сознание, дискурс и языковая система // Языковое общение. Процессы и единицы: межвуз. сб. науч. тр. Калинин: Изд-во КГУ, 1988. С. 7–13.
16. Терёшкин Н. И. Очерки диалектов хантыйского языка (ваховский диалект). Л.: Наука, 1961. 204 с.
17. Aikhenvald A. Y. Evidentiality: The framework // The Oxford handbook of evidentiality / Ed. A. Y. Aikhenvald. Oxford, UK: Oxford University Press, 2018. Pp. 1–44 doi:10.1093/oxfordhb/9780198759515.001.0001
18. Aikhenvald A. Y. What everybody knows: Expressing shared knowledge thorough evidentials // Verb and Context: The impact of shared knowledge on TAME categories / Ed. S. R. Rosique, J. M. A. Martinez. Amsterdam: the Netherlands: John Benjamins Publishing Company, 2023. Pp. 1–17.
19. Bybee J. Morphology: a study of the relation between meaning and form. Amsterdam; Philadelphia: J Benjamins, 1985. XII. 235 p.
20. Csepregi M. Evidentiality in Dialects of Khanty. *Linguistica Uralica*. 2014. XXL. № 3. Pp. 199–211.
21. De Haan F. Semantic Distinctions of Evidentiality // The World Atlas of Language Structures Online / Munich: Max Planck Digital Library, 2011. URL: <http://wals.info/chapter/77> (дата обращения: 03.03.2025).
22. Filchenko A. Yu. A Grammar of Eastern Khanty: Doctor of Philology Thesis. Houston: Rice University, 2007. 615 p.
23. Gulya J. Eastern Ostyak Chrestomathy. Bloomington: Indiana University – Mouton & Co. The Hague, 1966. 212 p.
24. Honti L. Chrestomathia Ostiacica. Budapest: Tankonyvkiado, 1986. 432 p.
25. Laczkó T. LFG and Finno-Ugric languages // Handbook of Lexical Functional Grammar. Berlin: Language Science Press, 2023. Pp. 1469–1532.
26. Nikolaeva I. Ostyak. München: Lincom Europa, 1999. 109 p.
27. Palmer F. R. Mood and modality. New York: Cambridge University Press, 2001. 236 p.
28. Skribnik E., Kehayov P. Evidentials in Uralic languages // The Oxford Handbook of Evidentiality / Ed. Y. A. Aikhenvald. Oxford University Press, 2018. Pp. 525–553. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780198759515.013.25
29. Skribnik, E., Aikhenvald, A. Y. Evidentiality in Northern Asia // The Languages and Linguistics of Northern Asia: Typology, Morphosyntax and Socio-historical Perspectives / Ed. E. Vajda. Berlin; Germany: De Gruyter, 2024. Vol. 10.2. Pp. 1007–1063. DOI:10.1515/9783111378381-018.
30. Wiemer B., Marin-Arrese J. I. (eds.). Evidential marking in European languages: Toward a unitary comparative account. Berlin; Boston: Walter de Gruyter, 2022. 749 p.

References

1. Kaksin A. D. *K voprosu o vyrazhenii admirativnogo znachenija v russkom jazyke* [To the question of expressing admirative meaning in the Russian language]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovanija* [World of Science, Culture, Education], 2018, no. 5 (72), pp. 424–426. (In Russian)
2. Kaksin A. D. *O grammaticheskom oformlenii jevidencial'nyh znachenij v finno-ugorskih, samodijskih i tjurkskih jazykah* [About the grammatical design of evidential meanings in the Finno-Ugric, Samoyedic and Turkic languages]. *Vestnik Tuvinskogo gosudarstvennogo universiteta. Social'nye i gumanitarnye nauki* [Bulletin of the Tuva State University. Social and Humanitarian Sciences], 2019, no. 4 (52), pp. 6–20. (In Russian)
3. Kaksin A. D. *Jevidencial'nost' kak funkcional'no-semanticheskaja kategorija urovnja modal'nosti (na primere russkogo i hantyskogo jazykov* [Evidence as the functional-semantic category of the level of modality (based on the Russian and Khanty languages)]. *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Chelyabinsk State University], 2010, no. 13, pp. 52–56. (In Russian)
4. Kaksin A. D. *Jevidencial'naja semantika i sredstva ee vyrazhenija v kazymskom dialekte hantyskogo jazyka* [Evidential semantics and means of its expression in the Kazym dialect of the Khanty language]. *Severo-Vostochnyj gumanitarnyj vestnik* [North-Eastern Humanitarian Bulletin], 2021, no. 3 (36), pp. 82–91. (In Russian)
5. Kobrina O. A. *Kategorija jevidencial'nosti: ee status i formy vyrazhenija v raznyh jazykah* [Category of evidentiality: its status and forms of expression in different languages]. *Voprosy kognitivnoj lingvistiki* [Issues of Cognitive Linguistics], 2005, no. 1, pp. 86–98. (In Russian)
6. Kozintseva N. A. *Kategorija jevidencial'nsti (problema tipologicheskogo analiza)* [Category of evidentiality (the problem of typological analysis)]. *Voprosy jazykoznanija* [Voprosy Jazykoznanija], 1994, no. 3, pp. 92–104. Available at: <https://vja.ruslang.ru/ru/archive/1994-3/92-104> (accessed February 22, 2025). (In Russian)

7. Kozlovsky D. V. *Tipy i vidy jevidencial'nosti v jazyke* [Types and kinds of evidentiality in language]. *Jazyk i mir izuchaemogo jazyka* [Language and the world of the studied language]. Saratov: Socialno-ekonomicheskij institut Publ., 2018. Vol. 9. Pp. 149–152. (In Russian)
8. Kordi E. E. *Kategorija jevidencial'nosti vo francuzskom jazyke* [Category of evidentiality in the French language]. *Jevidencial'nost' v jazykah Evropy i Azii: sb. st. pamjati Natalii Andreevny Kozincevoj* [Evidentiality in the languages of Europe and Asia: collection of articles in memory of Natalia Andreevna Kozintseva]. Ed. V. S. Khrakovskij. Saint-Petersburg: Nauka Publ., 2007. Pp. 253–291. (In Russian)
9. Medvedeva M. V. *Granicy jevidencial'nosti i jepistemicheskoj modal'nosti* [The limits of evidentiality and epistemic modality]. 2008. Available at: http://www.pglu.ru/lib/publications/University_Reading/2008/II/uch_2008_II_00034.pdf (accessed February 22, 2025). (In Russian)
10. Moloshnaya T. N. *Kategorija pereskazyvatel'nosti bolgarskogo glagola* [Category of retelling of a Bulgarian verb]. *Sovetskoe slavjanovedenie* [Soviet Slavic Studies], 1989, no. 2, pp. 63–73. (In Russian)
11. Plungyan V. A. *Obshhaja morfologija: Vvedenie v problematiku* [General morphology: Introduction in the problematics]. Moscow: Editorial URSS Publ., 2003. 384 p. (In Russian)
12. Profatilova S. M., Balabaeva Yu. E. *Sredstva vyrazhenija znachenij jevidencial'nosti v raznostrukturnyh jazykah* [Means of expressing the meanings of evidentiality in languages of different structures]. *Teorija jazyka i mezhkul'turnaja kommunikacija* [Theory of language and intercultural communication], 2020, no. 1 (36), pp. 249–259. (In Russian)
13. Skribnik E. K. *K voprosu o neochevidnom naklonenii v mansijskom jazyke (struktura i semantika)* [To the issue of non-obvious mood in the Mansi language (structure and semantics)]. *Yazyki korenyh narodov Sibiri. Sb. nauch. trudov* [Languages of the indigenous peoples of Siberia. Collection of scientific works]. Novosibirsk: [w/p], 1998. Vol. 4. Pp. 197–215. (In Russian)
14. Sultanbaeva Kh. V., Salikhova D. I. *Sposoby reprezentacii jevidencial'nosti v bashkirskom jazyke* [Ways of representing evidentiality in the Bashkir language]. *Tendencii razvitija nauki i obrazovanija* [Trends in the Development of Science and Education], 2024, no. 106 (3), pp. 195–198. (In Russian)
15. Susov I. P. *Dejatel'nost', soznanie, diskurs i jazykovaja sistema* [Activity, consciousness, discourse and language system]. *Jazykovoe obshhenie. Processy i edinicy* [Language communication. Processes and units]. Kalinin: Izdatelstvo KGU Publ., 1988. Pp. 7–13. (In Russian)
16. Tereshkin N. I. *Ocherki dialektov hantyskogo jazyka (vahovskij dialekt)* [Essays on dialects of the Khanty language (Vakh dialect)]. Leningrad: Nauka Publ., 1961. 204 p. (In Russian)
17. Aikhenvald A. Y. Evidentiality: The framework. *The Oxford handbook of evidentiality*. Ed. A. Y. Aikhenvald. Oxford; UK: Oxford University Press, 2018. Pp. 1–44. DOI:10.1093/oxfordhb/9780198759515.001.0001 (In English)
18. Aikhenvald A. Y. What everybody knows: Expressing shared knowledge thorough evidentials. *Verb and Context: The impact of shared knowledge on TAME categories*. Ed. S. R. Rosique, J. M. A. Martinez. Amsterdam: the Netherlands: John Benjamins Publishing Company, 2023. Pp. 1–17. DOI:10.1075/ivitra.34.01aik. (In English)
19. Bybee J. *Morphology: a study of the relation between meaning and form*. Amsterdam; Philadelphia: J Benjamins, 1985. XII. 235 p. (In English)
20. Csepregi M. Evidentiality in Dialects of Khanty. *Linguistica Uralica*, 2014, no. XXL (3), pp. 199–211. (In English)
21. De Haan F. Semantic Distinctions of Evidentiality. *The World Atlas of Language Structures Online*. Munich: Max Planck Digital Library, 2011. Available at: <http://wals.info/chapter/77> (accessed March 03, 2025). (In English)
22. Filchenko A. Yu. *A Grammar of Eastern Khanty: Doctor of Philology Thesis*. Houston: Rice University, 2007. 615 p. (In English)
23. Gulya J. *Eastern Ostyak Chrestomathy*. Bloomington: Indiana University – Mouton & Co. The Hague, 1966. 212 p. (In English)
24. Honti L. *Chrestomathia Ostiacica*. Budapest: Tankonyvkiado, 1986. 432 p. (In Hungarian)
25. Laczkó T. *LFG and Finno-Ugric languages. Handbook of Lexical Functional Grammar*. Berlin: Language Science Press, 2023. Pp. 1469–1532. (In English)
26. Nikolaeva I. *Ostyak*. München: Lincom Europa, 1999. 109 p. (In English)
27. Palmer F. R. *Mood and modality*. New York: Cambridge University Press, 2001. 236 p. (In English)
28. Skribnik E., Kehayov P. Evidentials in Uralic languages. *The Oxford Handbook of Evidentiality*. Eds. Alexandra Y. Aikhenvald. Oxford: Oxford University Press, 2018. Pp. 525–553. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780198759515.013.25. (In English)
29. Skribnik E., Aikhenvald, A. Y. Evidentiality in Northern Asia. *The Languages and Linguistics of Northern Asia: Typology, Morphosyntax and Socio-historical Perspectives*. Ed. E. Vajda. Berlin; Germany: De Gruyter, 2024. Vol. 10.2. Pp. 1007–1063. DOI:10.1515/9783111378381-018. (In English)
30. Wiemer B., Marin-Arrese J. I. (eds.). *Evidential marking in European languages: Toward a unitary comparative account*. Berlin; Boston: Walter de Gruyter, 2022. 749 p. (In English)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Воробьева Виктория Владимировна, старший научный сотрудник, Институт системного программирования им. В. П. Иванникова РАН (109004, Российская Федерация, г. Москва, ул. Александра Солженицына, д. 25); доцент, Национальный исследовательский Томский политехнический университет; кандидат филологических наук.

vorobeva@tpu.ru

ORCID ID: 0000-0002-8729-0375

Новицкая Ирина Владимировна, профессор, Национальный исследовательский Томский государственный университет (634050, Российская Федерация, г. Томск, пр. Ленина, д. 36); старший научный сотрудник, Национальный исследовательский Томский политехнический университет, доктор филологических наук.

irno2012@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0003-1559-8810

ABOUT THE AUTHORS

Vorobyova Viktoria Vladimirovna, Researcher, Ivannikov Institute for System Programming of the Russian Academy of Sciences (109004, Russian Federation, Moscow, Aleksandr Solzhenitsyn Str., 25); Associate Professor, National Research Tomsk Polytechnic University (634050, Russian Federation, Tomsk, Lenin Avenue, 30), Candidate of Philological Sciences.

vorobeva@tpu.ru

ORCID ID: 0000-0002-8729-0375

Novitskaya Irina Vladimirovna, Professor, National Research Tomsk State University (634050, Russian Federation, Tomsk, Lenin Avenue, 36); Researcher, National Research Tomsk Polytechnic University (634050, Russian Federation, Tomsk, Lenin Avenue, 30), Doctor of Philological Sciences.

irno2012@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0003-1559-8810